

ДИСКУРС КАК ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОММУНИКАЦИИ И КОГНИЦИИ

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН
vdemiank@iling-ran.ru

Наша гуманитарная наука приблизилась к тому состоянию, когда доступ к обширному эмпирическому материалу неплохо осуществляется с помощью технических средств, когда-то казавшихся фантастикой. Техники чисто умозрительного заключения сменились возможностями аргументировать логические переходы в лингвистической теории теми или иными текстовыми данными: статистической обработкой больших библиотек текстов (некоторые из которых приобрели статус корпусов текстов, со своим информационным обеспечением), психологическими тестами, социальными опросами и т. д. Общее у названных разновидностей — их массовость. Обширность эмпирического материала не только придает респектабельность ученым и их выводам из наблюдений, но и требует бдительности и осторожности, чтобы не сопоставлять несопоставимое.

В этой связи выдвигались различные принципы, помогающие избежать подобной опасности, среди них приоритет наблюдаемого, призыв опереться на материал в первозданном виде, например: «Подобно прочим эмпирическим наукам, лингвистика все больше осознает, что языковая реальность, осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия, — по крайней мере столь же заслуживающий внимания научный объект, как и невидимая языковая система. Реальное языковое взаимодействие в современной лингвистике обычно именуется дискурсом. **Дискурс** — это единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть. **Текст** — статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности» (Кибрик 2003: 4). Иначе говоря: делай выводы из непосредственно наблюдаемого материала, а к чистому теоретизированию переходи только в крайнем случае. Или вовсе оставь фантазии в покое: не наводи тень на ясный день. С таким призывом нельзя не согласиться.

Сходное справедливо и для нарратива: «Рассказ об отношениях в этом мире — будь то эскизный вымышленный „мир рассказа“ или „картина мас-

лом“ — основан на мнениях и сомнениях. Этот мир подается не обязательно чисто рассудочно, в логическом порядке: главное требование к рассказу — „связанность“ (cohesion, когезия) получаемого текста, отсутствие очевидных скачков, неоправданных забеганий вперед и несостыковок в изложении. Главное же требование к дискурсу как носителю „дискурсивного“ (т.е. рассудочного) хода мысли — логическая „связность“ (coherence, когерентность, несамопротиворечивость). Еще лучше, если логичность не только внутренне присуща тексту, но и оформляется наглядно, с помощью маркеров логического рассуждения, типа *если, поэтому, соответственно, тем не менее*. Но часто текст приобретает очертания дискурса только после невероятных интерпретаторских потуг. В научных сочинениях, следуя заветам Р. Декарта, от дискурса ожидают эксплицитных, не завуалированных и не эвфемистичных утверждений. В ненаучных же такие требования ослаблены, допускается нарратив (напр., внешне гладенький текст), хотя бы внушающий определенное настроение своим читателям. А „нарративный дискурс“ отвечает обоим требованиям — к дискурсу и к нарративу. Но внешность обманчива, и текст, казавшийся бесхитростным нарративом, вдруг переосмысливается, встает на дискурсивные дыбы, вынося на поверхность неведомые глубокие подстрочные линии рассуждения и порвав старые подгнившие информационные провода. И наоборот, в жанре тезисного изложения „по пунктам“ дискурс выглядит как меню из умозаключений, между собой плохо скрепленных, как „недонарратив“» (Демьянков 2022а: 6).

В саму языковую реальность у каждого индивида входят результаты взаимодействия когниции и коммуникации. Дискурс — попутный продукт такого взаимодействия. Выявление мотивов при построении дискурсов, при коммуникации индивидов, особенно в рамках массовой коммуникации, все чаще выдвигается на первый план в современной лингвистике. А исследование стратегий и тактик коммуникации опирается на методы сбора материала (ведь в материал входят наблюдаемые шаги взаимодействия людей, в частности, коммуникативные действия в речевом воплощении) и на логические выводы на основе житейского опыта. Этот опыт выкристаллизовался в виде советов (типа грасиановского «Карманного оракула» и блестящего справочника бытовой мудрости Д. Карнеги), в разных культурах подчеркивает разные этические нормы: так, заведомый обман в одних культурах и субкультурах вполне законен, а в других — абсолютно недопустим. Огромный ценный материал представляют речения, пословицы и поговорки различных народов. Такие суждения иногда противоречат друг другу, оказавшись в корпусе текстового материала, однако в реальном общении мирно уживаются и гармонично соседствуют и дополняют друг друга. Например, *Плюнуть и растереть* призывает не слишком-то беспокоиться о будущих событиях, грозящих

последовать за конкретной ситуацией. А предостережение *Не всякое лыко в строку*, наоборот, призывает отбирать слова и поступки, ибо *Не всякий вас, как я, поймет; / К беде неопытность ведет* (А.С. Пушкин, Евгений Онегин). Подобная метакоммуникативная мудрость относится к тому, что хорошо и что плохо в коммуникации, и формулируется порой от противного, иронично предсказывая провал целой схеме аргументации, даже самой дискурсивной (то есть, рациональной) ср.: *Начальство всегда право* (поэтому приказы не обсуждают), *Не учи ученого*, *Мне сверху видно все* и *Я начальник, ты — дурак*.

Известно, насколько эффективны некоторые очень часто употребляемые тактики воздействия на поведение и на мнения людей. Скажем, такой мотив: «Из-за твоего отказа помочь нам пострадают твои близкие». В порыве раскаяния в своей несговорчивости, упрекаемый порождает различные виды компромисса или даже подготавливает полную капитуляцию. «Вы нарушаете наши договоренности...» — ключевая фраза при внушении чувства вины, после которой легковверный упрямец начинает, действительно, себя винить в предстоящих несчастьях других людей. Подобно видениям стонущих родных на борту космического корабля, появляющимся в сознании космонавта в результате кислородного голодания (как в известном научно-фантастическом романе), эта коммуникативная мелодия значительно облегчает задачу манипулятора, особенно если правильно уловить время и оценить психический склад аудитории.

Выявить механизмы подобного взаимодействия когниции и коммуникации — значит, на основе наблюдений над «языковой реальностью» установить и инженерные принципы такого воздействия, и способы оптимизации речевого воздействия, и способы противостоять манипуляции, и многое другое.

За несколько тысячелетий существования человечества «народная мудрость» накопила очень много «народных средств» в этой области, на вооружении сегодня находится большое количество подходов и к решению поставленных коммуникативных задач, и к самой постановке этих задач. Так, в рамках «праксеологического подхода» были предприняты попытки показать, как работает такая инженерия речевого воздействия и преодоления манипуляции, особенно когда взаимодействие людей напоминает военные действия на поле боя. Правда, взаимодействие имеет свойство продолжаться даже после полной капитуляции. Да и военные удары скорее напоминают методы бесконтактного нанесения ущерба, как в некоторых восточных видах боевых искусств: ловко уклоняясь от удара, грозящего большим физическим ущербом, боец теряет равновесие и все равно получает поражение — или вызывает падение противника. Или то и другое: упав, выигрывает.

В том или ином виде указанные и подобные приемы годятся и при корыстном применении (скажем, при завоевании командных и/или просто контро-

лирующих высот в карьере), и когда граф Монтекристо получает бескорыстное моральное удовлетворение от мести. Похожие чувства испытывает и дворовый акселерат из состоятельной семьи, шантажируя малышку, не потому, что голоден или хочет съесть чужие припасы, а чтобы удостовериться в своей манипуляторской подготовке, потрогать пальчиком дедову шашку: не заржавела ли?

Отдельное направление в такой инженерии составляют тактики манипуляции сознанием, приводящие к значительному изменению ценностных установок и предрасположенности к тем или иным коммуникативным действиям. Одно из актуальных направлений в приложении лингвистического инструментария — анализ «фейков», случающихся в СМИ, и изобретение лингвистических тестов и вакцин от вредоносной коммуникации.

В этой связи позволю себе самоцитирование: «Исследование того, как устроены тексты фейков, какие эффективные техники в этой практике преобладают и каковы культурные традиции в этой области, сочетает лингвистические аспекты с экстралингвистическими. Само по себе чтение чужого текста не является ни вредным, ни полезным: оно запускает мыслительные механизмы, позволяющие реализовать заложенные в чужом тексте возможности (если они есть), которые при определенных условиях как раз и приводят к печальным или позитивным результатам [...], а также для предотвращения или смягчения определенных видов социально значимой деятельности. Профилактические действия по борьбе с дезинформацией (личная «гигиена» и массовая «санитария» чтения) должны осуществляться объединенными силами самых разных гуманитарных и социальных наук. Когнитивные науки в этом боевом дозоре играют роль Ильи Муромца» (Демьянков 2022: 89–90).

А доблестные российские дискурсоведы равняются на нашего юбиляра, Андрея Александровича Кибрика.

Л и т е р а т у р а

- Демьянков В.З. 2022. Креативная аккомодация текста в СМИ. *Александровский сборник*. М.: Наука, 82–93.
- Демьянков В.З. 2022а. Нарратив и дискурс. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 4, 5–16.
- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса в когнитивной перспективе*. Диссертация, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук (10.02.19). Институт языкознания РАН.